

УДК 81'233

Измайлов А.З.*Российская таможенная академия (г. Люберцы)***СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ФОРМИРОВАНИЯ НОМИНАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности речепорождения номинативных конструкций и роль последних в построении смысловой архитектоники речевого высказывания. Показана связь процесса порождения номинативных конструкций с формированием первоначальной глубинной структуры. Номинативный аспект действия речепорождающего механизма реализуется в семантическом компоненте, который, в свою очередь, воздействует на глубинную структуру предложения. Лексический уровень речепорождения завершает процесс образования смыслов, а последующие компоненты определяют окончательное формирование высказывания.

Ключевые слова: номинативная конструкция, большой синтаксис, малый синтаксис, межлексемные трансформации, речевая экономия.

A. Izmailov*Russian Customs Academy, Lubertsy***STRUCTURAL SEMANTIC ASPECT
OF NOMINATIVE CONSTRUCTION MODELLING**

Abstract. Specific features of nominative constructions modeling and their role in building semantic architectonics of the whole utterance are described in the article. The link between the process of producing nominative constructions and formation of primary original deep structure is shown. Nominative aspect of speech production is realized in semantic component, which, in its turn, influences the deep structure of a sentence. Lexical level of speech production finishes the process of forming meaning, while other components define the final shaping of the utterance.

Key words: nominative construction, big syntax, small syntax, interlexeme transformations, speech economy.

Номинативный аспект предложения (речевой деятельности) в целом и номинативные конструкции в частности были объектом пристального внимания ряда отечественных и зарубежных учёных (Арутюнова Н.Д., Гак В.Г., Степанов Ю.С., Кубрякова Е.С. [5], Д. Бэнкс (D. Banks), Ю. Найда (E. Nida) и др.). В этих работах основной акцент делался на функционально-грамма-

тическом аспекте формирования и использования номинативных конструкций. Единицы номинации противопоставлялись единицам синтаксиса, в частности, большого синтаксиса, которым приписывалась доминантная роль в предложении, связанная с описанием характера ситуации и её анализом [5, с. 125]. В предложении большой синтаксис отвечает за порождение субъектно-предикатных

групп, в отличие от малого синтаксиса, отвечающего за формирование номинативных групп или блоков. Не отрицая в целом преимущественного положения предикативной связи, как в действии самого речепорождающего механизма (что обусловлено привычным построением предложения: субъект + предикат + объект), так и в смысле апперцепции исходного материала (информации), мы предполагаем, что значение номинативных конструкций или блоков в построении смысловой архитектуры целого высказывания незаслуженно преуменьшено.

Между тем процесс речепорождения номинативных конструкций наиболее близко связан с формированием первоначальной глубинной ядерной

модели. Для наглядности сказанного рассмотрим простейшую схему самого речепорождающего механизма, представленного на рис. 1. Номинативный аспект действия речепорождающего механизма реализуется в семантическом компоненте, который, в свою очередь, воздействует на глубинную структуру предложения. Лексический уровень речепорождения завершает процесс образования смыслов, а следующие компоненты определяют окончательную структуру.

Как видно на рисунке, в формировании глубинной структуры участвуют все четыре компонента, при этом два нижних, лексический и семантический, относятся только к глубинной структуре [8, с. 107].

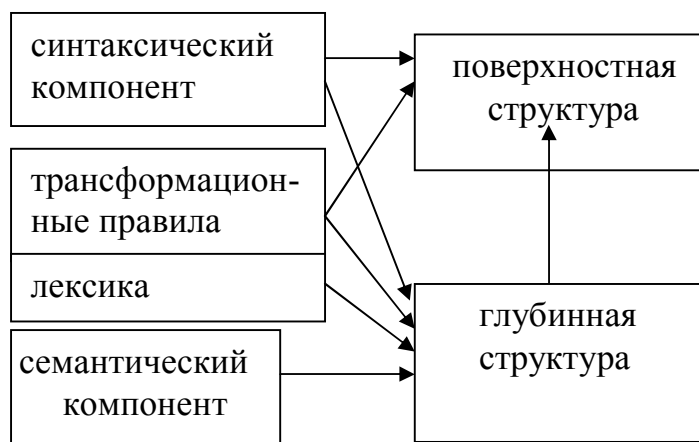

Рис. 1. Схема речепорождающего механизма.

Поверхностная речевая модель, репрезентирующая номинативную конструкцию, практически дублирует глубинную модель или максимально приближается к ней в структурно-семантическом плане. Другими словами, первоначальная идея, находящаяся в мозгу говорящего в виде некой первоосновы (stem) [7, с. 184], находит наи-

более адекватное выражение в простой или расширенной поверхностной номинативной конструкции. Названная конструкция (блок) доходит до предельного верхнего уровня при минимальных процессуальных [6, с. 25] трансформациях и наиболее отчётливо и лаконично передаёт оригинальный замысел отправителя информа-

ции, как, например, в стихотворении В. Хлебникова «Ночь в Персии»:

*Морской берег.
Небо. Звёзды. Я спокоен. Я лежу.
А подушка не камень, не перья –
Дырявый сапог моряка...* [3, с. 417].

Собственно номинативные предложения в начале четверостишия выполняют экспрессивно-эстетическую функцию. Каждое из них представляет собой упомянутую выше первооснову глубинной модели в чистом виде, лишённую субъективной оценки само-

го отправителя информации. Схема порождения таких конструкций будет отличаться от схемы порождения обычной предикативной конструкции, представленной на рис. 1, по причине отсутствия необходимости в трансформационных преобразованиях. Единственным компонентом, участвующим в подготовке поверхностной структуры и предваряющим её речевую реализацию, является синтаксический компонент (рассмотрение участия фонетического компонента в речепорождающем процессе не является целью данной статьи); см. рис. 2.

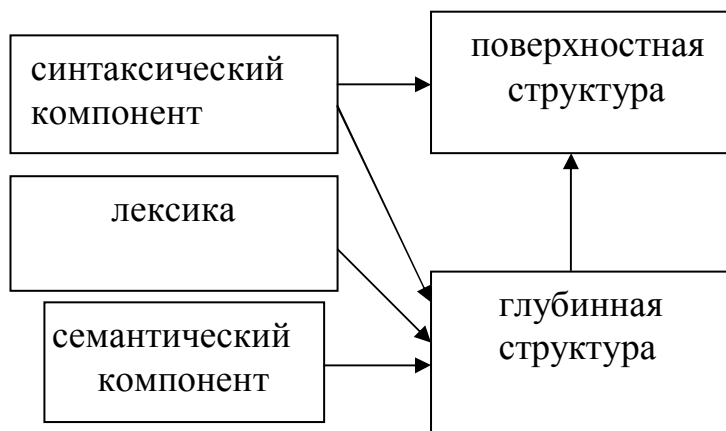

Рис. 2. Схема порождения конструкций, не требующих трансформационных преобразований.

Синтаксический компонент в данном случае исполняет роль малого синтаксиса, регулирующего отношения внутри самих ядерных слов-предложений и между элементами номинативных блоков (флективный аспект).

Завершающее предложение также является примером номинативной конструкции. Идея предикативности представлена здесь имплицитно, поскольку субъектно-объектные отношения могут быть реструктурированы доста-

точно легко и без особого ущерба для смыслового восприятия, т. е., например: *не камень, не перья подушка – дырявый сапог моряка*. Сказанное можно продемонстрировать следующей формулой: $NP1 NP2 NP3$, где NP – номинативная ядерная конструкция (блок), а стрелки указывают на структурную взаимозаменяемость конструкций (блоков).

Номинативные конструкции всё чаще находят своё выражение в спонтанной диалогической речи, особен-

ностью которой является отсутствие у отправителя информации достаточного количества времени (или полное его отсутствие) на трансформационно-синтаксическую обработку аутентичной вербализованной идеи. Наличие в мозгу говорящего уже готовых синтаксических схем или моделей речевого поведения облегчает задачу отправления информации, но не решает её полностью. Так, например, рождаются забавные примеры морфологических трансформаций сопологающихся элементов номинативной конструкции, например: *переходный пешеход* вместо *пешеходный переход*. В указанном примере первоначальные морфемные образования в обеих лексемах меняются местами. Отчасти это объясняется наличием в обеих компонентах сходных по звучанию фонем (*пер-* и *пеш-*), таким образом, схема вербализации данной конструкции (и подобных ей) может включать действие фонетического компонента. Примеры подобных межлексемных трансформаций часто имеют место в диалогической речи, проходящей в ускоренном темпе.

Использование простейших одно- или двухкомпонентных конструкций в диалогической речи часто выполняет функцию речевой экономии. Номинативное ядро первоначальной глубинной модели выполняет роль целого предложения. Как, например, в следующем отрывке:

Джерри: *Ну, это странно! Насколько я понимаю, вы должны любить животных. Кошка?*

Питер уныло кивает.

Джерри: *Кошки! Но не может быть, чтобы это вы по своей воле... Жена и дочери?*

Питер кивает [2, с. 53].

Выделенные реплики, в виде номинативных конструкций, представляют собой редуцированные полные модели, значение которых становится понятным из широкого контекста (*Кошка? – У вас есть кошка? Жена и дочери? – Жена и дочери захотели этого?*). В построении окончательной поверхностной модели в данном случае участвуют три компонента, обозначенных на рис. 2. При этом синтаксический компонент (малый синтаксис) регулирует флективный подуровень речевой реализации (наличие суффиксов и окончаний множественного числа). Таким образом, при наличии в мозгу слушателя однозначного понимания иерархии субъектно-предикатных отношений, необходимость в использовании полномасштабного синтаксиса отпадает. С. Бурлак приводит в своей работе следующий пример: фраза *Два – Крюково – обратно* понимается кассиром на железнодорожном вокзале не хуже, если не лучше, чем цепочка *Не могли бы Вы продать мне два полных билета на электричку до станции Крюково, позволяющих доехать туда и вернуться обратно?* [4, с. 320].

Номинативные конструкции в вопросительных формах могут принимать ещё более схематичный вид при наличии высокой степени контекстуальной адекватности между участниками диалогического общения. Целью использования номинативной конструкции (выделена подчёркиванием) в нижеследующем примере является не переспрос, но разъяснение информации, переданной ранее (о чём говорится в авторской реплике):

“I’m afraid our activities would be received with considerable disapprobation by the more learned authorities.”

Jem and I were accustomed to our Father's last-will-and-testament diction, and we were at all times free to interrupt Atticus from a translation when it was beyond our understanding.

"Huh, sir?"

"I never went to school," he said. "but I have a feeling that if you tell Miss Caroline we read every night she'll get after me, and I wouldn't want her after me" [1, с. 60].

Таким образом, единственным компонентом в процессе речевого образования номинативных конструкций в их предельно сжатом состоянии является лексико-семантический компонент без участия малого большого и малого синтаксиса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники языкового материала:

1. Ли Харпер. Убить пересмешника: Книга для чтения на английском языке. – СПб.: КАРО, 2013. – 512 с.
2. Олби Э. Смерть Бесси Смит и другие пьесы. – М.: Прогресс, 1976. – 307 с.
3. Хлебников Велимир. Творения. – М.: Сов. писатель, 1987. – 736 с.

Литература:

4. Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. – М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 464 с.
5. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 160 с.
6. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 351 с.
7. Пинкер Стивен. Язык как инстинкт. Пер. с англ. В.Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
8. Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. – М.: КомКнига, 2006. – 352 с.